

ВОСПОМИНАНИЯ В. Н. ЛЯСКОВСКОГО ОБ И. С. ТУРГЕНЕВЕ

О Валерии Николаевиче Лясковском (1858—1938), историке, филологе, переводчике, известно немного. Сын профессора московского университета Н. Э. Лясковского. Учился на математическом факультете Московского университета, одновременно посещая лекции В. О. Ключевского на историко-филологическом факультете. В 1876 г. познакомился с И. С. Аксаковым на даче в Волинском, был его личным секретарем по делам Славянского комитета. Окончив университет, служил в архиве Министерства иностранных дел (1882—1884), но вскоре перебрался в свое имение Дмитровское-Истомино в Орловской губернии; был членом земской управы.¹ Сотрудничал в «Руси» и «Русском архиве», помещая в них биографические очерки и воспоминания о деятелях русской истории и культуры (В. В. Варгин, Н. Э. Ляковский, А. А. Суворов-Рымникский, А. С. Хомяков). Известность Ляковский приобрел как автор книг «Алексей Степанович Хомяков. Его жизнь и сочинения» (М., 1897) и «Братья Киреевские. Жизнь и труды их» (СПб., 1899), написанных на материалах богатейшего архива братьев Киреевских, в 90-е гг. купленного Лясковским вместе с их орловским имением — Киреевская слободка.²

Воспоминания Ляковского о Тургеневе, найденные в одной из папок библиотеки Н. К. Пиксанова в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР («Тургеневский сборник», инв. № 5222), были написаны им в августе 1912 г., по-видимому, в ответ на запрос ученого. В то время Пиксанов, молодой преподаватель Высших женских Бестужевских курсов, организовал для слушательниц Тургеневский кружок (январь 1912—1915), в котором бестужевки увлеченно занимались исследовательской работой, разысканием неизвестных писем и материалов, воспоминаний людей, знавших Тургенева. Итогом этих занятий стал сборник работ четырех слушательниц, вышедший под редакцией Пиксанова: «Тургеневский сборник. Новооткрытые страницы Тургенева. Неизданная переписка. Воспоминания. Библиография» (Пг., 1915). Предполагалось издание серии тургеневских выпусков по такому же типу, однако подготовлен был лишь сборник второй, но и он остался в рукописи (хранится в библиотеке).³ Возможно,

¹ ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, № 353, оп. 20, № 54 (письма Ляковского В. Н.).

² О дальнейшей судьбе Ляковского см. библиографический словарь «Писатели Орловского края» (Орёл, 1981. С. 114—115), есть портрет. Личный архивный фонд Ляковского находится в ОГЛМТ (Орёл), ф. 39; кроме того, биографические материалы Ляковского хранятся в ЦГАЛИ, ф. 298, ед. хр. 39.

³ Подробнее об этом см.: *Тишкин Г. А.* Н. К. Пиксанов — преподаватель Бестужевских курсов // Русск. лит. 1978. № 4. С. 155—157.

что в следующих выпусках Пиксанов намеревался поместить и воспоминания Лясковского, посвященные двум эпизодам из жизни писателя — 1879 и 1880 гг.

В феврале 1879 г. Тургенев приехал в Россию по делам наследства после смерти старшего брата Николая Сергеевича. В Москве он поселился у своего старого приятеля Ивана Ильича Маслова, управляющего московской удельной конторой, у которого останавливался обычно, бывая в Москве. И. И. Маслов (1817—1891), либеральный общественный деятель, в свое время был известен как приятель В. Г. Белинского. О хозяине дома, бывая у Тургенева в этот проезд, оставил свои воспоминания П. Д. Боборыкин: «Маслов был одним из тех приятелей Тургенева, которых я назвал бы „бытовыми“. Он по происхождению и воспитанию принадлежал к тому же дворянскому „кругу“, как и Тургенев: барин-чиновник <...> с хорошими доходами, любитель музыки, игравший немножко роль мецената при тогдашней московской консерватории, очень мягкий и любезный, но ... совсем уже не орел, без всяких настоящих прав на то, чтобы быть „другом“ такой литературной величины, как его „приятель“ Иван Сергеевич. Он был нужен Тургеневу, как одна из тех личностей, которые охотно и с приятностью оказывают вам разнообразные услуги, кому можно поручить и денежное дело или какие-нибудь скучные хлопоты, у кого очень удобно и комфортабельно остановиться в обширной казенной квартире <...>. Таких Масловых теперь уже не найдете при литературных знаменитостях, и для натур, как у Тургенева, они были самым покладливым типом того, что в старой трагедии называли „наперсником“».⁴

Тургенев приехал в Москву 14 (26) февраля 1879 г. На следующий день в его честь был дан обед «с сочувственными спичами», устроенный М. М. Ковалевским и молодыми профессорами московского университета (Н. В. Бугаев, А. Н. Веселовский, А. И. Чупров и др.).⁵ Реакция передовой русской общественности на роман «Новь», вышедший незадолго до приезда, была неожиданной для Тургенева. Писателя беспощадно ругали за непонимание русской молодежи и ее лучших устремлений.⁶ Именно неприятие «Нови» русской публикой повлекло за собой намерение Тургенева отказаться от литературной деятельности вообще.⁷ Повторилась исто-

⁴ Боборыкин П. Д. Из царства теней. Приятели Тургенева // Русск. слово. 1908. 29 февраля. № 50. С. 1. См. также: Стецкий Н. Я. Из воспоминаний об И. С. Тургеневе. СПб., 1903. С. 17.

⁵ См.: П. В. Васильев П. П.). Описание торжеств, происходивших в честь И. С. Тургенева во время пребывания его в Москве и Петербурге в течение февраля и марта 1879 г. Казань, 1880. С. 2; Тургенев И. С. Соч. Т. 15. С. 308—309. См. также письмо Тургенева А. В. Топорову от 20 февраля (4 марта) 1879 г. // Тургенев И. С. Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 38, 421.

⁶ Подробнее о полемике вокруг романа см.: Батюто А. И. Примечания // Тургенев И. С. Соч. Т. 12. С. 524—543; Алексеева Н. В. Воспоминания П. П. Викторова о Тургеневе // Тургенев И. С. (1818—1883—1958). Статьи и материалы. Орёл, 1960. С. 304—307.

⁷ См. письмо Тургенева редактору одесской газеты «Правда» от 7 (19) февраля 1878 г. // Тургенев И. С. Соч. Т. 15. С. 177.

рия «Отцов и детей». Писатель приезжает в Россию в то время, когда, по словам современника, «популярность его среди публики стояла ниже нуля». ⁸ Вопреки настороженности, вечер, устроенный кружком молодых профессоров, положил начало известному «примирению» Тургенева с молодежью, серии восторженных оваций и приветствий знаменитому писателю в 1879—1880 гг.

Утром 18 февраля (2 марта), в воскресенье, Тургенев после долгих уговоров А. Ф. Писемского и И. И. Маслова согласился принять участие в публичном заседании Общества любителей российской словесности, которое проходило в физической аудитории Московского университета. В мемуарной литературе очень подробно описан прием, оказанный Тургеневу публикой, — бурные аплодисменты при его появлении в зале, речь студента-медика П. П. Викторова, в которой он от имени учащейся русской молодежи благодарил писателя за его честное отношение к действительности и желание понять стремления молодежи, ее идеалы. ⁹ Сам Тургенев по этому поводу писал: «Студенты мне такой устроили небывалый прием, что чуть не одурел, рукоплескания в течение 5 минут, речь, обращенная ко мне с хоров, и пр., и пр. Общество меня произвело в почетные члены. Этот возврат ко мне молодого поколения очень меня порадовал, но и взволновал порядком». ¹⁰

Вечером того же дня Тургенев был приглашен на спектакль «Король Генрих IV», поставленный членами Шекспировского кружка, любителями драматического искусства, чьи постановки пользовались большим успехом у московской публики 70-х гг. Общество образовалось в 1873 г. из школьного кружка Поливановской гимназии стараниями Вл. С. Соловьева и Н. М. Лопатина. Предполагалось, что по примеру лондонского оно будет иметь утвержденный устав, выборное управление, на его заседаниях будут обсуждаться ученые рефераты, читаться публичные лекции. В числе учредителей Московского Шекспировского кружка были такие представители литературной Москвы, как С. М. Соловьев, И. С. Аксаков, А. И. Кочелев, А. Н. Островский, А. Ф. Писемский, Ф. И. Буслаев, С. А. Юрьев и др. Однако в таком виде Общество не состоялось, но сохранился театральный Шекспировский кружок, просуществовавший около десяти лет, и за это время исполнивший публично под руководством Л. И. Поливанова и С. А. Юрьева «Гамлета», «Отелло», «Ромео и Юлию», «Кориолана», «Двенадцатую ночь» и «Генриха IV». «В наши намерения, — писал один из участников кружка, — вовсе не входило вступать в соперничество с настоящим театром. Мы рассуждали так: если трагедии Шекспира даже при чтении про себя производят сильное впечатле-

⁸ *Стечкин Н. Я.* Из воспоминаний об И. С. Тургеневе. С. 18.

⁹ См.: *Васильев П. П.* Описание торжеств. . . С. 2—4; *Леткова Е.* Об Ив. С. Тургеневе. (Из воспоминаний курсистки) // К свету. Научно-литературный сб. СПб., 1904. С. 451—452; *Ковалевский М. М.* Воспоминания об И. С. Тургеневе // Тургенев в восп. совр. Т. 2. С. 139; см. также: *Алексеева Н. В.* Воспоминания П. П. Викторова о Тургеневе. С. 310—318, 329—343.

¹⁰ *Тургенев И. С.* Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 38.

ние, то, будучи толково и горячо прочитаны со сцены, они должны доставить больше художественного наслаждения, чем пустые современные пьесы».¹¹

Литературно-музыкальный вечер в пользу «недостаточных» студентов Московского университета состоялся 4 (16) марта в зале Благородного собрания. Тургенев участвовал в вечере, вероятно, по просьбе С. А. Юрьева, которому писал 21 февраля (5 марта): «Вы можете выбрать какой угодно вечер на будущей неделе для нашего чтения».¹² Публика встретила писателя стоя, восторженными овациями. В ответ на приветственную речь студента Н. Н. Чихачева, еще более теплую и сочувственную, чем речь студента, произнесенная в Обществе любителей российской словесности, Тургенев ответил знаменитой «Речью московским студентам 4 марта 1879 года».¹³ На этом вечере Тургенев прочел рассказ «Бурмистр» из «Записок охотника». Возможно, что именно в этот вечер Лясковский получил от писателя дарственную надпись, наклеенную им на портрет Тургенева, помещенный в первом томе «Сочинений» (М., 1869): «Валерию Николаевичу Лясковскому на память от И. С. Тургенева. Москва. 1879».¹⁴

Через год писатель вновь приезжает в Россию, чтобы принять участие в подготовке Пушкинских торжеств и открытии памятника поэту в Москве. Эти дни стали сплошным триумфом Тургенева, однако его речь о Пушкине, восторженно принятая публикой, запомнилась современникам значительно меньше, чем речь Достоевского, ставшая апофеозом торжеств.¹⁵ В. В. Стасов вспоминал, как Тургеневу «была противна речь Достоевского, от которой сходили у нас с ума тысячи народа, чуть не вся интеллигенция, как ему была невыносима вся ложь и фальшь проповеди Достоевского, его мистические разглагольствования о „русском все-человеке“, о русской „все-женщине Татьяне“ <...> Тургенев был в сильной досаде, в сильном негодовании на изумительный энтузиазм, обуявший не только всю русскую толпу, но и всю русскую интеллигенцию».¹⁶

Лясковский упоминает об известном эпизоде на праздничном обеде, данном Обществом любителей российской словесности, когда М. Н. Катков, закончив свою речь словами: «Да здравствует разум, да скроется тьма!», протянул через стол свой бокал Турге-

¹¹ Венкстерн А. Л. И. Поливанов и Шекспировский кружок // Памяти Л. И. Поливанова (К 10-летию его кончины). М., 1909. С. 36.

¹² Тургенев И. С. Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 39, 423.

¹³ Тургенев И. С. Соч. Т. 12. С. 57, 312—313. Подробнее об этом см.: Васильев П. П. Описание торжеств... С. 4—6; Алексеева Н. В. Воспоминания П. П. Викторова о Тургеневе. С. 318—320.

¹⁴ Книга хранится в Литературном музее в Москве, дарственная надпись опубликована: Лит. наследство. Т. 73. Кн. 2. С. 179.

¹⁵ См.: Тургенев И. С. Соч. Т. 12. С. 66—76, 322—329; см. также: Лавров П. Л. И. С. Тургенев и развитие русского общества // И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. М.; Л., 1930. С. 58—63; Будагова Н. Ф. Достоевский и Тургенев. Творческий диалог. Л., 1987. С. 168—194.

¹⁶ Стасов В. В. Из воспоминаний об И. С. Тургеневе // Тургенев в восп. совр. Т. 2. С. 114.

неву, пытаюсь возобновить старые отношения, Тургенев холодно уклонился от этой попытки. «Ведь есть вещи, которых нельзя забыть, — доказывал он в тот же вечер Достоевскому, — как же я могу протянуть руку человеку, которого я считаю ренегатом!»¹⁷ Поводом к этому послужила статья Б. М. Маркевича («Иногородний обыватель»), опубликованная незадолго до этого эпизода в «Московских ведомостях», в которой автор «Рудина» изобличался чуть ли не в содействии тогдашнему революционному движению, в «кувыркании перед лохматыми шалопаями» и т. д.¹⁸

Искренние воспоминания Лясковского, публикуемые ниже, дополняют существующую мемуарную литературу, посвященную этому периоду жизни Тургенева.

Мои встречи с И. С. Тургеневым

Зимой 1879 г. Тургенев приехал в Москву¹⁹ и остановился, по обыкновению, у Ивана Ильича Маслова, в доме удельного ведомства на Пречистенском бульваре. Я, тогда студент 3-го курса, видал его издали в концертах, а ближе видел в Секретаревском театре на Кисловке, на представлении Генриха IV, исполненного Шекспировском кружком Л. И. Поливанова и С. А. Юрьева. Он сидел в первом ряду кресел рядом с Ив. С. Аксаковым. В антракте я слышал его замечание, что последние слова Генриха V Фальстафу «Молись, старик...» переведены неверно: в подлиннике «Fall to bye prayers» значит — «пади ниц, благоговей», а вовсе не «молись».²⁰

На другой день Иван Сергеевич читал «Бурмистра» на студенческом вечере в Благородном Собрании. Тут я не отходил от него. В антракте мы сидели в курилке против камина: посредине Тургенев, направо я, налево Ив. Ив. Лавров, тенор русской оперы (говорят, из бурлаков), игравший накануне Фальстафа. Лавров, как всегда почти, выпивший, со слезами говорил: «Ведь я, Иван Сергеевич, человек неученый — играл по чувству».²¹ Тургенев

¹⁷ См.: *Ковалевский М. М.* Воспоминания об И. С. Тургеневе. С. 141; *Кони А. Ф.* Из книги «На жизненном пути»: И. С. Тургенев // Тургенев в восп. совр. Т. 2. С. 131—132.

¹⁸ Подробнее об этом см.: *Стецкий Н. Я.* Из воспоминаний об И. С. Тургеневе. С. 24—25; *Ашкинази М. О.* Тургенев и террористы // И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. М.; Л., 1930. С. 197—198; *Кони А. Ф.* Указ. соч. С. 132.

¹⁹ В этот приезд Тургенев находился в Москве с 14 (26) февраля по 8 (20) марта.

²⁰ В тексте воспоминаний описка. Следует читать: «Fall to thy prayers» (см.: *Shakespeare W.* King Henry IV. The second part. London, 1904. P. 130). Для этой постановки «Генриха IV», по-видимому, был использован перевод А. Л. Соколовского: «Я не знаю // Тебя, старик. Молись <...>» (см.: Полное собрание драматических произведений Шекспира в переводе русских писателей. Издание Н. А. Некрасова и Н. В. Гербея. 2-е изд. СПб., 1876. Т. 2. С. 437).

²¹ Этот эпизод нашел отражение в воспоминаниях одного из кружковцев: «Задумал Лев Иванович (Поливанов. — С. П.) поставить сцены из хроники

ответил ему: «Ах, Иван Иванович, ведь наука хороша, если ее переварить; а не переваришь, так потом все будет отрыжка от науки».

Тут он рассказал нам, что у него бывают галлюцинации: он видит кошку. «Да вот, — прибавил он, — она сейчас пробежала здесь» и он указал, где пробежала кошка: слева направо, из угла в угол. «Я могу описать вам ее, — добавил он, — она большая, белая с черными и желтыми полосами».

Читал Иван Сергеевич только недурно — тягучим, несколько ноющим голосом.

В июне 1880 года я близко видел Тургенева во все дни торжеств при открытии памятника Пушкину. Он и Достоевский были самыми видными их участниками. Событием дня была речь Достоевского, и Тургенев несколько отступил на второй план. На обеде, где он не подал руки Каткову, я не был.

Читая стихотворение «Поэт», Иван Сергеевич сбился в стихе «и звуков, и смятенья полн», именно начал «и звуками. . .», не мог свести размера и остановился, беспомощно оглядывая публику. Ему подсказали, и он повторил стих сначала.²²

В то время Тургенев, хотя уже больной и слабый, казался еще бодрым, но усталым и разочарованным. С молодежью он был, скорее, вежлив — иногда даже искателен — чем ласков.

Больше я его не видал.

В Орловскую губернию я переехал уже после смерти Тургенева и в Спасском не был. Не думаю, чтобы теперь — через тридцать с лишним лет — там можно было узнать о нем что-нибудь новое.

Валерий Лясковский.

С. Дмитровское,
10 августа 1912.

„Король Генрих IV“. Где взять Фальстафа? (. . .) Решили искать Фальстафа на стороне, и тогда-то был привлечен к участию в кружке незабвенный Иван Иванович Лавров, много раз с успехом сыгравший у нас эту роль. Сам Тургенев, посетивший один из наших спектаклей, сказал, что такого Фальстафа он не выдвигал ни на одной европейской сцене» (см.: *Венкстерн А. Л. И. Поливанов и Шекспировский кружок // Памяти Л. И. Поливанова. (К 10-летию его кончины). М., 1909. С. 38).*

²² В концертах, устроенных в память Пушкина в дни торжеств, участвовали почти все литераторы. Ф. М. Достоевский читал монолог Пимена из «Бориса Годунова», А. Ф. Писемский — «Гусар», А. Н. Островский — сцену из «Русалки», П. В. Анненков — «Анчар». Особенно восторженно публика вызывала Тургенева. Он читал «Опять на родине», «Последняя туча рассеянной бури», «Поэт» («Пока не трепует поэта. . .») (см.: Русские ведомости. 1880. № 146. 7 июня). По воспоминаниям современников, Тургенев декламировал не очень искусно. А. Ф. Кони вспоминал, что, читая «Последнюю тучу рассеянной бури», Иван Сергеевич «на третьем стихе запнулся, очевидно его позабыв, и, беспомощно разведя руками, остановился. Тогда из публики, с разных концов, ему стали подсказывать все громче и громче. Он улыбнулся и сказал конец стихотворения вместе со всею залой» (*Кони А. Ф. И. С. Тургенев. С. 132*). О чтении Тургеневым «Поэта» вспоминала Н. А. Юшкова: «. . . и в середине он забыл одну строчку. С хор маленький гимназист тоненьким детским голоском подсказал ему стих. Тургенев поклонился и продолжал декламировать» (*Юшкова Н. А. Письмо В. Микулич // Звенья. М.; Л., 1932. Т. 1. С. 501—504*).